

СПЕКТР СОЗНАНИЯ

А.А. Дмитриева

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12039

ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТРОСПЕКЦИИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И НЕКОТОРЫЕ ИХ СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Статья анализирует содержание плюралистических моделей интроспекции современных аналитических философов сознания Джесси Принца, Эрика Швитсгебеля и Джесси Батлера, сопоставляя их подход с перцептивным пониманием интроспекции, характерным для философии Нового времени, и с критикой интроспекции, характерной для ранней аналитической философии сознания. Кроме того, в статье предпринята попытка в свете плюралистических моделей интроспекции решить вопросы о том, может ли термин «интроспекция» считаться научным, соотнести плюралистические модели интроспекции с теорией перцептивного сознания, а также обсудить вопрос о достоверности видов интроспекции. В статье используются сравнительный и исторический методы, основанные на детальном концептуальном анализе различных подходов к интроспекции.

Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, перцептивные модели интроспекции представляют собой «срединный путь» между наивной верой в интроспекцию и абсолютным скептицизмом по отношению к ней. Если перцептивные модели интроспекции в целом верны, то, во-вторых, термин «интроспекция» не может употребляться в научных контекстах без уточнения, о каком виде интроспекции идет речь. В-третьих, виды интроспекции могут быть соотнесены с модулями внимания, рабочей памяти и др. В-четвертых, устанавливается, что различные виды интроспекции обладают различной достоверностью.

Ключевые слова: виды интроспекции, гетерофеноменология, Джесси Батлер, Джесси Принц, достоверность видов интроспекции, Дэниел Деннет, интроспекция, плюралистические модели интроспекции, эпистемология, Эрик Швитсгебель.

В настоящей статье я представлю современный взгляд на научные проблемы, связанные с интроспекцией. С эпохи Нового времени до середины XX века философские взгляды на интроспекцию прошли в целом парадоксальный путь развития: от убежденности в том, что только интроспекция способна дать нам подлинное знание (философы Нового времени)¹ к полному отрицанию значимости интроспекции (философы аналитической традиции начала и середины XX века)². В настоящей статье мне хотелось

бы показать, что сегодня проблемы интроспекции обсуждаются в новом ключе, нежели они обсуждались, с одной стороны, в работах Рене Декарта, Джона Локка, Дэвида Юма, и, с другой стороны, в работах таких критиков интроспекции как Людвиг Виттгенштейн, Гилберт Райл, Уильям Лайонс. В настоящей статье я (1) представлю суть плюралистических моделей интроспекции Джесси Принца, Эрика Швитсгебеля и Джесси Батлера и сравню их содержание друг с другом, (2) укажу на возможные сложности, связанные с употреблением термина «интроспекция» в свете плюралистических моделей интроспекции, (3) соотнесу плюралистические модели интроспекции с натуралистической теорией перцептивного сознания Джесси Принца, (4) представлю возможную эпистемологию видов интроспекции.

Мною уже отмечалось, что современные взгляды на интроспекцию глубоко связаны с той кри-

¹ Дмитриева А.А. Концептуализация интроспекции в философии Нового времени (Рене Декарт, Джон Локк, Дэвид Юм) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 2. С. 24–39.

² Дмитриева А.А. Основные философские аргументы против перцептивной модели интроспекции // Дискуссия. 2014. № 2. С. 21–25.

тикой интроспекции, которая была произведена в работах философов аналитической традиции XX века³. Современные концепции, касающиеся проблем интроспекции, которые я предлагаю называть плюралистическими моделями интроспекции, «выросли» из этой критики. **Плюралистические модели интроспекции** (далее — ПМИ) — это попытка представить интроспекцию не как единый, «глобальный» процесс осознания перцепций, а как множество таких процессов⁴. Такие модели интроспекции, как мне представляется, в каком-то смысле позволяют пройти как раз между Сциллой и Харибдой наивной веры в интроспекцию и полного ее отрицания.

С целью основательно защитить эту точку зрения я, прежде всего, рассмотрю содержание этих концепций и соотнесу их друг с другом.

1. ПМИ: содержание

В настоящем разделе будут проанализированы три ПМИ: Джесси Принца, Эрика Швитсгебеля и Джесси Батлера.

Джесси Принц, один из наиболее заметных современных нейрофилософов, написавший книгу «Сознательный мозг: как внимание порождает восприятие» (2012) концентрируется на вопросах, связанных с интроспекцией, в статье «Расслоение интроспекции» (2004). В этой статье он выдвигает тезис о «расслаивании» интроспекции, которая в действительности представляет собой множество процессов, которые не должны восприниматься как единый процесс, имеющий некую единую «механику» реализации. При этом если нам удастся в достаточной мере показать, что существуют различные процессы интроспекции в нашем мозге, то необходимость в термине «интроспекция», который подразумевает под собой унифицированный, единый процесс познания себя, отпадет. Он предлагает несколько путей, по которым концепция единой интроспекции может «расслаиваться».

³ Ibid.

⁴ Джесси Принц говорит о «расслаивании» интроспекции на несколько видов в статье «Расслоение интроспекции» (2004), Эрик Швитсгебель — о «широком плюрализме» в отношении интроспекции в статье «Интроспекция, что?» (2012) и в книге «Затруднения в понимании сознания» (2011), Джесси Батлер — о «плюрализме» и «плюралистическом подходе» в отношении интроспекции в книге «Переосмысление интроспекции: плюралистический подход к перспективе первого лица» (2013).

Во-первых, Принц указывает на **различие между (1) невербальной и (2) вербальной интроспекцией**⁵. Невербальная интроспекция представляет собой внеязыковое осознание наблюдения за объектами восприятия. Принц считает вопрос о существовании такого вида интроспекции доказанным по крайней мере потому, что им обладают обезьяны. Принц обращается к хорошо известным экспериментам Алана Кауи (Alan Cowey) и Петры Штёрриг (Petra Stoerig) с обезьянами, ставшими «слепозрячими»⁶ наполовину зрительного поля в результате операции. После проведения операции эти обезьяны были натренированы таким образом, что могли дать понять ученым, используя прикосновения к чувствительному экрану, видели ли они какой-то стимул или догадывались о нем. Иными словами, эти обезьяны оказались способны передать информацию ученым о том, имели ли они визуальное восприятие или нет без использования языка⁷. Что касается вербальной интроспекции, то ее Принц сравнивает с просмотром фильма с субтитрами⁸. Мы можем подумать⁹: «Я опаздываю» или «Мне тревожно» — это и есть вербальный тип интроспекции. В свою очередь сам вербальный тип интроспекции может быть подразделен на несколько подвидов: **1) те, которые в описаниях не используют психологические концепты** (например, «Это печенье»), **2) промежуточные варианты**, например, «Это выглядит красиво» (слова «выглядит» и «красиво» могут быть поняты как психологические термины, так как первое может быть описанием ощущения, а второе может быть оценкой) и, наконец, **3) вербальная интро-**

⁵ Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. P. 40–57.

⁶ Явление «слепого зрения», открытое в 1986 году Николасом Хамфри (Nicholas Humphrey), активно обсуждается в современных исследованиях сознания, так как оно, возможно, свидетельствует в пользу существования несознательного восприятия, хотя этот вывод оспаривается. Подробнее об истории открытия и дискуссиях вокруг значения данного явления можно узнать из следующих работ: В.В. Васильев «Трудная проблема сознания» (2009), Д. Чалмерс «Сознающим ум: в поисках фундаментальной теории» (1996), Д. Принц «Сознательный мозг: как внимание порождает восприятие» (2012).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Здесь и далее описания всех классификаций интроспекции приводятся с моими примерами, если авторство примера не указано специально.

спекция, которая использует психологические концепты, например, «Я вижу печенье» или «Я вижу его лицо» (в данном случае психологический концепт — это слово «Я»)¹⁰. Принц замечает, что возможна дальнейшая классификация вербальной интроспекции на ту, что использует местоимение первого лица и ту, что нет. Все это, по мнению Принца, косвенно указывает на то, что в каждом этом случае участвуют различные процессы интроспекции.

Во-вторых, Принц делит интроспекцию на **(1) осуществляемую посредством определенных усилий (активная интроспекция)** и **(2) на ту, что осуществляется без усилий (пассивная интроспекция)**¹¹. То есть, иногда мы понимаем под словом «интроспекция» только случаи контролируемого доступа к перцепциям, а иногда имеем в виду, что интроспекция может осуществляться и бесконтрольно. Мы можем сконцентрироваться на наших ощущениях в определенных участках тела и сообщать о них (например, мы можем сказать инструктору по йоге во время занятия: «Я чувствую растяжение мышц левого бедра»), а можем сообщить о наших внезапных ощущениях восклицанием, выражающим, например, боль (например, мы можем сказать: «Мне больно!», если мы порезали палец). Первый пример является случаем активной интроспекции, а второй — пассивной.

Все ранее рассмотренные виды интроспекции имели своим объектом перцепции, относящиеся к настоящему моменту, как указывает Принц. Далее он делает акцент на том, что интроспективно наблюдать мы можем не только перцептивные состояния, происходящие с нами в настоящий момент времени, но и информацию, хранящуюся в различных модулях памяти¹². Так что, в-третьих, Принц предлагает классифицировать интроспекцию в зависимости от того, к какой именно информации мы получаем доступ. Речь может идти об **(1) эпизодическом воспоминании** (например, в том случае, когда мы отвечаем на вопрос «Где вы были на этих выходных?» — «Я съездила в оперу»). Другое дело, если вы вспомнили «фирменный» рецепт приготовления яблочного пирога вашей бабушки, — в этом случае речь идет о **(2) доступе к рабочей памяти**. Также возможен **(3) доступ к информа-**

ции о желаниях и верованиях (например, если вас спросят «Хотели бы вы посетить Рим?» или «Верите ли вы в инопланетные цивилизации?» — ваш ответ будет содержать информацию о ваших предпочтениях и верованиях). Принц считает, что последние случаи имеет смысл отличать от доступа к эпизодической памяти или к рабочей памяти потому, что сами желания и верования не обязательно связаны с нашим прошлым опытом, а значит, возможно, между механизмами доступа к этим типам информации нет ничего общего¹³. Наконец, возможно попросить вас объяснить, что двигало вами в той или иной ситуации. В этом случае вы ищите доступ к **(4) причинам своего поведения** — так, как они отложились у Вас в памяти.

В-четвертых, Принц рассматривает еще один класс видов интроспекции, который связан не только и не столько с доступом к содержаниям сознания (как все ранее рассмотренные). Речь идет об **(1) интенсификации** и **(2) реинтеграции опыта**¹⁴. Принц приводит известный в философии сознания пример философа Дэвида Армстронга (David Armstrong) о дальнобойщике. Дальнобойщик устал от долгого периода вождения, и его внимание на дороге рассеялось. Вдруг на дороге появляется неожиданный поворот или лихой водитель, который «подрезает» дальнобойщика. Внезапная опасность заставляет дальнобойщика резко «пробудиться» от автоматизма. Он начинает очень живо воспринимать дорогу и все, что с ним происходит. Указанный вид интроспекции никак нельзя отнести только к доступу к содержаниям сознания, к невербальной или вербальной интроспекции, хотя, как указывает Принц, дальнобойщик и мог бы «про себя» или вслух описать свое состояние. В этом случае речь идет об отличном от невербальной или вербальной интроспекции процессе, а именно, об оживлении восприятия (интенсификации) или объединении разделенных усталостью восприятий от различных каналов в единую картину (реинтеграции)¹⁵. Но эти процессы мы тоже обычно связываем с понятием интроспекции!

Как видно, мысль Принца состоит в том, что все это — разные процессы интроспекции, которые не могут быть объединены под единым «лейблом». Как пишет сам Принц, было бы странно ото-

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

ждествлять землетрясение, извержение вулкана и наводнение только на том основании, что все они являются стихийными бедствиями, так как они имеют, по сути, слишком далекое содержание, разные причины возникновения и механизм протекания¹⁶. В то же время иногда эти процессы могут влиять друг на друга, даже провоцировать друг друга: землетрясение может вызвать извержение вулкана. Так же и процессы интроспекции. Мы можем на каком-то очень абстрактном уровне объединять их в одну категорию. Некоторые из них могут влиять друг на друга, провоцировать друг друга. Например, активная интроспекция восприятия картины «Менины» Веласкеса может быть как-то связана с доступом к информации, хранящейся в рабочей памяти, о том, как Мишель Фуко в работе «Слова и вещи» интерпретировал положение «зрителя», как будто бы заданного самим сюжетом картины¹⁷. Но имеем ли мы право на этом основании заключить, что это единый процесс или даже множество процессов, имеющих под собой единое основание? Нет, потому, что эти процессы, как считает Принц, представляют собой разные механизмы.

Эрик Швитсгегель так же считает интроспекцию процессом плюралистическим, но высказывается о плюрализме Принца, как о недостаточном в исследовании интроспекции.

По мнению Швитсгегеля, Принц показал существование различных интроспективных процессов, варьирующихся от случая к случаю, но не показал, что каждое интроспективное суждение само по себе порождено действием множества процессов¹⁸. Особенность подхода Швитсгегеля состоит, во-первых, в том, что он отстаивает множественность интроспекции, как он сам пишет, «и *внутри* [каждого] случая, и *между* случаями»¹⁹, а во-вторых, в том, что он считает, что процессы интроспекции неотделимы от перцепций. Швитсгегель старается продемонстрировать этот тезис на примере визуального восприятия, эмоций и воображения.

Визуальное восприятие, считает Швитсгегель, содержит помимо собственно перцептивного

элемента целый набор перемежающихся интроспективных процессов, которые влияют на само это восприятие. Это и (1) ожидания того, каким может быть мой визуальный опыт, и (2) имеющиеся у нас сведения об обстановке, и (3) знакомые нам культурные метафоры такие, как изображения, фотоснимки и кадры из фильмов. Даже сведения из общей теории восприятия и о других аспектах человеческой психики могут повлиять на переживаемый в настоящий момент визуальный опыт²⁰. По мнению Швитсгегеля, все эти аспекты переплетены в визуальном восприятии на манер спутанных петель: «Есть ли тут, встроенный в эту запутанную систему, отличительный, истинный интроспективный процесс, отличимый по крайней мере в принципе от всех неинтроспективных влияний, оказываемых на различные появляющиеся суждения? Я понимаю привлекательность этой идеи... Однако в этом эссе я предполагаю, что нам стоит отказаться от подхода к интроспекции как к процессу отличимому и отдельному. Не существует важного, когнитивно отличимого процесса, который являлся бы чистым процессом интроспекции»²¹. Швитсгегель подчеркивает, что перцепции и процессы интроспекции в принципе нераздельны. Также он выражает несогласие с распространенной точкой зрения о том, что интроспекция осуществляется с некоторым временным отставанием от визуального восприятия²². Он подчеркивает: «Более полезно, как мне кажется, рассматривать такие обыкновенные перцептивные процессы зрения как часть или как пересекающиеся с интроспективными процессами, которые влияют на мои суждения о моем опыте»²³. Кроме того, говорит Швитсгегель, наши суждения о нашем опыте не содержат точной информации о том, когда мы говорим о перцепциях, а когда о процессах интроспекции. Когда мы описываем свои собственные визуальные восприятия, не всегда можно четко понять, указываем ли мы в этом описании на свойства объекта или на осо-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб., 1994.

¹⁸ Schwitzgebel E. Introspection, What? // Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012. P. 29–47.

¹⁹ Ibid. P. 29.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 33–34.

²² Однако далее в своем эссе Швитсгегель дает определение термина «интроспекция», предполагающее как одновременное сосуществование перцепций и интроспективных процессов, так и небольшое временное отставание интроспективных процессов от момента перцепции. Возможно, в определении речь идет не только о процессе визуального восприятия.

²³ Ibid. P. 34.

бенности собственного восприятия. Наш язык отражает реальное взаимное сосуществование этого клубка процессов. «В таких случаях мы можем рассматривать интроспекцию как перцепцию с какой-то добавкой или со слегка другой целью, которая может быть наполовину забыта. Процесс перцепции в таком случае являлся бы частью процесса интроспекции»²⁴, — заключает Швитсгебель.

Рассуждая об **эмоциях**, Швитсгебель проводит такую же работу по демонстрации смежности эмоционального переживания с различными интроспективными процессами. Среди других примеров он рассматривает пример страха перед гремучей змеей²⁵. Знание о страхе перед гремучими змеями или о том, что в настоящее время именно этот страх является предметом переживания, как он считает, проистекает из целого комплекса процессов, таких, как общего знания о том, что гремучие змеи являются опасными и визуального знания о том, что одна из них находится недалеко; проприоцептивного и визуального знания о дрожи в собственном теле; знания об ощущении пощипывающей волны в теле, которую можно было бы назвать волной адреналина; переживания импульса к бегству; осознания собственного вскрика (в том числе, вскрика «про себя»); осознания собственного представления кусающей змеи; ощущения парализованности²⁶.

Швитсгебель заключает, что на наши эмоции влияет и (1) знание о социальных и иных обстоятельствах ситуации, и (2) проприоцептивное знание о теле, и (3) знание о наших мыслях и воображении²⁷. Значит, и в случае с эмоциями мы снова сталкиваемся со сложной гаммой переплетенных между собой перцепциях и процессах интроспекции.

В случае с **воображением** речь идет о такого же рода явлении, считает Швитсгебель. Он пишет, что когда мы мысленно проигрываем мелодию песни, которая нам хорошо заполнилась, это воображение может проистекать из таких источников, как образ, хранящийся в памяти, из которого мы знаем об инструментах, которые используются этой группой, из которого мы имеем сведения об этом стиле музыки и об этой конкретной песне; нашего мнения о способности воображения в целом

(которое весьма вероятно является частично культурно обусловленным); нашего мнения о том, насколько точной или, наоборот, искаженной является наша способность к воображению²⁸.

Из анализа выше видно, что в каждом отдельном случае (в каждом случае визуального восприятия, переживания эмоций, воображения) стоит говорить о целой гамме сплетенных перцептивных и интроспективных процессов.

Швитсгебель предлагает следующее определение интроспекции: «Интроспекция — это направление центральных когнитивных ресурсов (внимания) на цель сформировать суждение о своем собственном текущем или относящемся к самому недавнему прошлому сознательном опыте, используя или стараясь использовать некоторые уникальные способности перспективы первого лица... с целью или с намерением, что это суждение отразит некоторые относительно прямые чувства о том состоянии, которое является целью. Из этой характеристики никоим образом не следует, что интроспекция является единым процессом или одним и тем же процессом в каждом случае»²⁹.

Швитсгебель надеется найти своей теории нейронаучное подтверждение.

Джесси Батлер тоже считает, что интроспекция — это множество процессов. В своей книге «Переосмысление интроспекции: плюралистический подход к перспективе первого лица» (2013) он подробно рассматривает две большие группы процессов интроспекции: **(1) интроспективное знание, «какого это», то есть феноменальное знание и (2) концептуализирование (репрезентация и метарепрезентация) наших ментальных состояний**³⁰. Первые он понимает как процессы более простые, вторые как более сложные, так как именно вторые делают нас рефлексивными и социальными субъектами. Но и те, и другие, по мнению Батлера, могут проходить без участия языка. Когда они происходят с использованием языка, мы называем их «внутренний монолог»³¹.

Пожалуй, можно выделить следующие отличительные черты его ПМИ. Во-первых, стремление подчеркнуть значение феноменологического, как

²⁴ Ibid. P. 35.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. P. 42–43.

³⁰ Butler J. Rethinking Introspection: A Pluralist Approach to the First-Person Perspective. Palgrave Macmillan, 2013.

³¹ Ibid.

он сам пишет, «экзистенциального» элемента интроспективных процессов первой группы³². Именно поэтому, как мне представляется, он предлагает такое определение интроспекции: «Интроспекция — это процесс поиска и/или получения знания о своем собственном уме из перспективы первого лица»³³. Во-вторых, он стремится обозначить невозможность оторвать интроспективные процессы познания второй группы от социальных и культурных конструктов. В-третьих, он предлагает употреблять понятие «интроспекция» как метафору, о чем будет сказано более подробно в следующем разделе.

Резюмируя этот раздел, о ПМИ Принца, Швитсгебеля и Батлера можно сказать следующее:

- 1) в рамках всех трех моделей считается неверным понимание интроспекции как единого, уникального процесса. Считается, что интроспекцию необходимо понимать как множество процессов;
- 2) в рамках ПМИ Принца и Швитсгебеля предполагается, что процессы интроспекции имеют своим объектом перцепции и не существуют без последних (что целью интроспективных процессов являются или перцепции, переживаемые в настоящий момент, или перцепции, сохранившаяся в памяти в виде информации, или же целью интроспекции является не доступ к перцепциям, а реинтеграция перцепций, их интенсификация и т.д.);
- 3) модель Принца стремится показать, как интроспективные процессы варьируются от случая к случаю;
- 4) модель Принца отличается ориентацией на получение эмпирического подтверждения своего содержания, и ее положения сформулированы таким образом, что в перспективе могут быть эмпирически подтверждены;
- 5) модель Швитсгебеля стремится показать, что интроспективные процессы варьируются не только от случая к случаю, но и в рамках одного случая визуального восприятия, эмоционального переживания или воображения, в каждом из которых мы имеем дело с целым клубком интроспективных процессов;
- 6) модель Швитсгебеля мне представляется более сложной для эмпирического подтвержде-

ния, но со спекулятивной точки зрения она выглядит даже более интригующей;

- 7) пункты 3 и 5 позволяют говорить об «умеренном» (Принц) и «радикальном» (Швитсгебель) вариантах ПМИ;
- 8) модель Батлера делает акцент на феноменальном элементе интроспективных процессов, подчеркивает значение культурной детерминации некоторых процессов интроспекции, а так же включает в себя продуктивное предположение о том, что термин «интроспекция» является метафорой повседневного языка.

Таким образом, как мне видится, не существует значительного идейного различия между рассмотренными ПМИ: в своих предпосылках и основных выводах эти модели сходятся. Выяснение вопроса о большей достоверности «умеренного» или «радикального» вариантов ПМИ может стать предметом эмпирического исследования.

2. Термин «интроспекция»: метафора или пустое понятие?

Как в свете плюралистического понимания мы должны относиться к самому термину «интроспекция»? Это вопрос не праздный, потому что употребление научного термина предполагает наличие четкого референта. Возможно ли употребление термина «интроспекция» в научном контексте в свете ПМИ?

Концепция интроспекции как перцептивного восприятия и, как следствие, возможность научного употребления этого термина подвергались критике с ранних этапов развития аналитической философии сознания. *Гилберт Райл*, пионер аналитико-лингвистического направления в аналитической философии сознания, применяя свой аналитико-лингвистический метод для анализа различных понятий, используемых обычно в исследованиях сознания, пришел к выводу о необходимости удалить термин «интроспекция» из научного словаря³⁴. Он критикует сложившееся еще в работах философов Нового времени представление об интроспекции, суть которого состоит в том, что интроспекция сопоставляется с внешним восприятием, и концептуально задается как привилегированный тип восприятия из-за предполагаемой большей достоверности. Райл приводит аргументы, стремящиеся подорвать представление

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 46.

³⁴ Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. М., 1999.

о безошибочности интроспекции, и утверждает, что понятие интроспекции, во всяком случае, если под этим словом мы подразумеваем привилегированный доступ к содержаниям нашего сознания, бессмысленно. Более осмысленным термином ему представляется термин «ретроспекция» — воспоминание, повторение наших перцепций, которое он считает достойным претендентом на место понятия интроспекции. Коротко говоря, на мой взгляд, он совершает *редукцию* концепции интроспекции как внутренней перцепции к концепции доступа к памяти.

Похожим образом рассуждал еще в 80-е годы XX века *Уильям Лайонс*. Он полагает, что термин «интроспекция» не имеет больше никакого научного смысла³⁵, а сама концепция интроспекции должна быть редуцирована к другим, более плодотворным концепциям, которые находят конкретное эмпирическое подтверждение, например, к памяти. Лайонс тем не менее стремится дистанцироваться от рассуждений Райла, уточняя, что Райл, по его мнению, редуцировал интроспекцию к простому повторению восприятия, а он — к его воспроизводству, которое определенным образом всегда модулирует, изменяет первоначальное восприятие для целей, важных в настоящий момент. Как бы то ни было, на мой взгляд, в обоих случаях мы имеем дело с редукцией интроспекции, с попытками отождествить, свести ее к другим явлениям, которые были лучше объяснены эмпирическими исследованиями на том этапе развития психологии.

Когда исследователи в целом признали тот факт, что свести вопрос о доступе к содержаниям своего сознания к другим операциям не получается с достаточной убедительностью³⁶, вслед за появлением представлений о самом сознании в целом как о конкурирующих модулях («модель множественных набросков» Дэниела Дэннета³⁷), тогда, на мой взгляд, появилось представление о том, что интроспекция, как и многие другие процессы нашей психической жизни (например, та же память), является не одним явлением, а множеством процессов. Допустим теперь, что ПМИ в целом вер-

ны. Остается ли шанс у термина «интроспекция» остаться в научном словаре? Мне кажется, что в свете ПМИ верным ответом является — «нет».

Поясню, что я имею в виду. Если действительно нет оснований говорить о том, что есть нечто общее, что объединяет различные описанные выше процессы интроспекции, а это является базовым утверждением ПМИ, как мне представляется, то нет и онтологической предпосылки для употребления одного термина. Кроме того, Принц, например, подчеркивает вредные последствия употребления термина «интроспекция»: «...Искушение представить интегральные теории интроспекции будет существовать до тех пор, пока мы продолжаем использовать один термин»³⁸. И тем не менее, я не считаю оправданным отказ от этого понятия в повседневной жизни. Такого же мнения придерживается, например, Батлер³⁹. Он считает, что термин «интроспекция» может использоваться в повседневном языке как удобная и привычная метафора для обозначения того, что для в науке должно пониматься как разнообразие процессов.

3. ПМИ и (перцептивные) сознание

Рассмотрим, как ПМИ могут быть вписаны в изложенную Принцем в его работе «Сознательный мозг: как внимание порождает восприятие» (2012) теорию сознания — теорию, которую он называет «Сопровожденные вниманием репрезентации третьего уровня» (*Attended intermediate-level representation*, сокращенно — *AIR Theory*)⁴⁰. Суть его теории сознания, которая во многом опирается на идеи нейропсихолога Дэвида Марра (David Marr) и лингвиста Рея Джакендоффа (Ray Jakednoff), и состоит в том, что само по себе сознание — это перцептивное восприятие, проходящее по одному из пяти каналов: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние. В отношении каждого из этих каналов восприятия он показывает, что это восприятие распадается на три этапа. Рассмотрим случай зрительного восприятия. Первый этап состоит в создании первичного образа, который может даже не

³⁵ Lyons W. The Disappearance of Introspection. A Bradford Book, 1986.

³⁶ Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012.

³⁷ Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991.

³⁸ Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. P. 56.

³⁹ Butler J. Rethinking Introspection: A Pluralist Approach to the First-Person Perspective. Palgrave Macmillan, 2013.

⁴⁰ Prinz J. The Conscious Brain: How Attention Engenders Experience. Oxford University Press, USA, 2012.

иметь формы. Второй этап состоит в конкретном восприятии определенного объекта с *определенной точки зрения*. Третий этап состоит в создании трехмерного, но иконического образа предмета уже с *различных точек зрения*. Суть теории состоит в том, что *перцептивное сознание присутствует только на втором этапе восприятия*. Разумеется, за каждый этап восприятия по Принцу ответственны три группы мозговых центров. Принц приводит большое количество свежих эмпирических данных, подтверждающих его теорию⁴¹.

Мне в целом представляется оправданным точка зрения Принца о том, что сознанием следует считать именно перцепции. Многие исследователи считают, что сознание находится где-то на «высших» уровнях человеческого мышления. Мне такое мнение представляется неоправданным хотя бы потому, что такие «высшие» операции человеческого сознания, как вычисления, например, могут производиться и компьютером. Поэтому, если и считать, что сознание является отличительным признаком человека и некоторых животных, то его отличительность состоит в том, что в мышлении человека и некоторых животных включает в себя *восприятие*; сознание создает сложную репрезентативную систему («эго-тоннель», как бы сказал Томас Метцингер⁴²).

Но эта концепция сознания была бы неполной без еще одного элемента — внимания. Без внимания перцептивное сознание невозможно. В первом приближении Принц дает следующую общую формулировку своей концепции сознания: «Сознание появляется тогда и только тогда, когда репрезентации среднего уровня регулируются вниманием»⁴³. Само внимание Принц тоже стремится определить в терминах современной когнитивной психологии, фактически отождествляя его с процессом, кодирующим информацию для рабочей памяти: «...Внимание может быть отождествлено с процессами, которые дают возможность информации быть закодированной в рабочей памяти. Когда стимул становится предметом внимания, он становится доступным для

рабочей памяти; когда он не является предметом внимания, он недоступен»⁴⁴. Все те перцепции, которые не стали предметом внимания, являются несознательными (Принц уделяет много внимания эмпирическим данным, доказывающим существование таких перцепций, в том числе, упомянутому выше явлению «слепого зрения»). При этом сама концепция внимания не должна пониматься как некий прожектор, действующий в уме и освещающий нам перцептивные состояния. Внимание не «высвечивает» для человека перцепции, а «не допускает» в поле осознания то, что не должно интересовать человека в данную минуту. «Сознание — это, скорее, фильтр, а не прожектор»⁴⁵, — говорит Принц. Такой подход позволяет ему уточнить «формулу» его концепции сознания: «Сознание появляется тогда и только тогда, когда репрезентации среднего уровня подвергаются изменениям, которые делают их доступными для рабочей памяти»⁴⁶.

Теперь попробуем в первом приближении соотнести процессы интроспекции с представленной теорией сознания. Я полагаю, что мы могли бы понимать интроспективные процессы как различные механизмы, которые делают сознательными (или интенсивно сознательными) перцепции, относящиеся как к настоящему моменту, так и извлеченные из памяти. Сознательны ли эти процессы? Конечно, да. Но не сами по себе, а по причине того, что их объектами являются перцепции. То есть эти процессы сознательны только потому, что перцепции сами по себе и являются сознанием.

Как мне кажется, после описания этой теории сознания и соотношения с ней процессов интроспекции, мы подходим к одному очень интересному факту: мне представляется ясным, что плюралистический подход к интроспекции, скорее, продолжает и развивает, чем отрицает тот опыт размышлений об интроспекции, который был присущ работам Райла и Лайонса. Ими и другими ранними аналитическими философами сознания была произведена попытка критики представлений об интроспекции как о внутреннем восприятии. Эта критика открыла дорогу редукционизму

⁴¹ Объем приводимых им эмпирических данных очень обширен и далек от основной темы моей статьи, поэтому я не имею возможности в него здесь углубляться.

⁴² Metzinger T. The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self. N.Y., 2009.

⁴³ Prinz J. The Conscious Brain: How Attention Engenders Experience. Oxford University Press, USA, 2012. P. 89.

⁴⁴ Ibid. P. 93.

⁴⁵ Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. P. 49.

⁴⁶ Ibid. P. 97.

в отношении интроспекции. И даже если сегодня мы вряд ли можем принять тезис о том, что интроспекция сводится к памяти, так как из ПМИ ясно, что существует множество ее видов, в новых подходах к пониманию проблем интроспекции сохраняется общая идея неотрывности видов интроспекции от перцепций, которые понимаются как цель и единственное содержание всех видов интроспекции, так как никакого собственного содержания (как бы сказал Лайонс — никакой собственной феноменологии⁴⁷) у процессов интроспекции нет.

4. Достоверность интроспективных процессов

Если ПМИ верны, то тогда не имеет смысла говорить об эпистемологии интроспекции в целом, так как это множество процессов. Имело бы смысл рассмотреть надежность каждого процесса интроспекции в отдельности.

Принц считает, что **интенсификация** и **реинтеграция** опыта не могут быть рассмотрены с точки зрения корректности в принципе: «Информация может течь сильным или слабым потоком... Но кажется странным утверждение, что информация течет правильно или неправильно»⁴⁸. Надежность **пассивной интроспекции** по сути зависит от перцептивных содержаний, продолжает Принц. Что касается надежности **активной интроспекции**, которая представляет собой осознанное направление внимание на какой-то объект, то ее может подстерегать следующего рода опасность: перцептивное содержание, ставшее объектом нашего направленного внимания, может измениться под влиянием такого направленного внимания⁴⁹. Кроме того, как утверждает Принц, достоверность интроспекции варьируется в зависимости от того, *что* является объектом интроспективного процесса⁵⁰. Принц обращается к известным экспериментам Ричарда Нисбетта (Richard E. Nisbett) и Тимоти Уилсона (Timothy Wilson), которые демонстрируют, что люди могут

неверно объяснять причины своего выбора⁵¹. Серия этих экспериментов показывает, что, используя процесс интроспекции, мы можем ошибаться в мотивах нашего поведения.

Однако все эти эксперименты, как мне кажется, не могут быть выставлены на щит, чтобы утверждать, что все виды интроспекции ненадежны. Батлер считает несомненным феноменологическое переживание, частично соглашаясь с Томасом Нагелем⁵²; Принц указывает на то, что если интроспективные свидетельства подтверждаются эмпирическим исследованием (например, исследованием активности мозга), то у нас нет никаких оснований им не доверять. Эта точка зрения, как мне кажется, представляет собой конкретную реализацию принципа гетерофеноменологии, который предложил **Дэниел Деннет**. Остановлюсь здесь на гетерофеноменологическом подходе подробнее, так как он кажется мне применимым в исследовании эпистемологии процессов интроспекции. Деннет много раз описывал свой гетерофеноменологический подход к изучению сознания. Я остановлюсь на том описании, которое приведено в его самой известной работе о сознании — «Объясненное сознание» (1991). Суть гетерофеноменологического подхода состоит в попытке сочетать лучшее в феноменологическом подходе и лучшее в эмпирическом (натуралистическом) подходе. Когда интроспекционистский подход в лабораториях не дал конкретного результата, большинство исследователей были настроены на то, чтобы изучать сознание исключительно бихевиоральными методами. Отсюда родился логический бихевиоризм Райла. Деннет, ученик Райла, один из первых аналитических философов указывает на недостаточность бихевиорального метода. Он утверждает, что мы не просто можем, но и должны изучать сознание, учитывая описания от первого лица. По его мнению, они, безусловно, могут помочь нам в изучении со-

⁴⁷ На это же явление указывает Фред Дреске в статье «Как вы знаете, что вы не зомби?» (2003 г.).

⁴⁸ Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. P. 53.

⁴⁹ На этот эффект обратил внимание еще Дэвид Юм в «Исследовании о человеческом познании».

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Об этом же, как мне кажется, свидетельствуют знаменитые эксперименты нейрофизиологов Майкла Газзаниги и др. с пациентами, страдающими тяжелой формой эпилепсии, которым делают операцию по рассечению мозолистого тела мозга, приводящую к облегчению их состояния. Было установлено, что люди с расщепленным мозолистым телом мозга склонны неверно трактовать причины своего поведения. Подробнее об этих экспериментах и их отношении к современным исследованиям сознания можно прочитать в монографии Д.В. Волкова «Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания» (2011 г.).

⁵² Nagel T. What Is Like To Be A Bat? // The Philosophical Review. 1974. Volume 83. № 4. P. 435–450.

знания, если, конечно, сочетать их с экспериментальными методами. Д.В. Волков так характеризует суть гетерофеноменологического подхода: «Описывается некоторый мир, феноменологический. Он исследуется на предмет консистентности, непротиворечивости, но его реальность не утверждается»⁵³. Деннет сравнивает гетерофеноменологов (тех, кто стремится к соблюдению принципа гетерофеноменологии в исследованиях сознания) с антропологами, изучающими верования племени⁵⁴. Допустим, мы решили выяснить антропологические причины появления того или иного культа. Нам, безусловно, понадобятся любые свидетельства об этом божестве от верующих в него: описание его внешности, его поведения. Должны ли при этом антропологи верить в сам этот культ? Конечно, нет. Но они должны предложить научную *интерпретацию* этого верования, которая опишет специфику этого культа, объяснит конкретные особенности этого верования и причины их формирований. Так и гетерофеноменолог не обязан верить всем интроспективным отчетам испытуемых, но должен предложить, например, топологию этого и других связанных с ним процессов, установить отношение этого процесса к другими модулями психической жизни и т.д.

Таким образом, я считаю, что более ясно понять, насколько надёжны различные процессы интроспекции, можно только путем сочетания отчетов испытуемых с эмпирическими исследованиями.

Список литературы:

1. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009.
2. Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011.
3. Дмитриева А.А. Концептуализация интроспекции в философии Нового времени (Рене Декарт, Джон Локк, Дэвид Юм) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 2. С. 24–39.
4. Дмитриева А.А. Основные философские аргументы против перцептивной модели интроспекции // Дискуссия. 2014. № 2. С. 21–25.
5. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. М., 1999.
6. Чалмерс Д. Сознанием ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М., 2013.
7. Butler J. Rethinking Introspection: A Pluralist Approach to the First-Person Perspective. Palgrave Macmillan, 2013.
8. Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991.
9. Dretske F. How Do You Know You Are Not A Zombie? / Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge, edited by Gertler B., Burlington, 2003.
10. Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012.
11. Lyons W. The Disappearance of Introspection. A Bradford Book, 1986.

⁵³ Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011. С. 116.

⁵⁴ Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991.

* * *

Завершить мне бы хотелось следующими выводами. Во-первых, ПМИ, на мой взгляд, являются жизнеспособными теориями, хотя бы потому, что предлагают обоснованную альтернативу господствовавшим еще недавно стратегиям, скорее высмеивающим интроспекцию, чем предлагающим объяснение проблем изучения интроспективных отчетов, в то же время сохраняя четкую ориентацию на научное объяснение этих проблем, свойственную ранним работам аналитических философов о сознании. Именно это я имела в виду в начале статьи, когда говорила о том, что ПМИ — это попытка пройти между Сциллой и Харибдой наивной веры в интроспекцию и полным ее отрицанием. Далее, если ПМИ в целом верны, то, во-вторых, мы можем употреблять термин «интроспекция» только условно, необходимо уточнять, о каком именно виде интроспекции идет речь. В-третьих, представляется важным в дальнейшем более четко установить, в том числе с помощью эмпирических исследований, соотношение конкретных видов интроспекции с такими модулями, как рабочая и иные виды памяти, внимание, язык и т.д. В-четвертых, вопрос о достоверности должен решаться отдельно в отношении каждого вида интроспекции с опорой на междисциплинарные исследования, стремящиеся внимательно изучать как интроспективные отчеты, так и эмпирические данные.

12. Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. A Bradford Book, 2004.
13. Metzinger T. The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self. N.Y., 2009.
14. Nagel T. What Is Like To Be A Bat? // The Philosophical Review. 1974. Volume 83. № 4. Pp. 435–450.
15. Prinz J. The Conscious Brain: How Attention Engenders Experience. Oxford University Press, USA, 2012.
16. Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. Pp. 40–57.
17. Schwitzgebel E. Introspection, What? // Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012.
18. Schwitzgebel E. Introspection: Stanford Encyclopedia of Philosophy. (<http://plato.stanford.edu/entries/introspection/>).
19. Schwitzgebel E. Perplexities of consciousness. A Bradford Book, 2011.

References (transliteration):

1. Vasil'ev V.V. Trudnaya problema soznaniya. M., 2009.
2. Volkov D.B. Bostonskii zombi: D. Dennet i ego teoriya soznaniya. M., 2011.
3. Dmitrieva A.A. Kontseptualizatsiya introspektsii v filosofii Novogo vremeni (Rene Dekart, Dzhon Lokk, Devid Yum) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2014. № 2. S. 24–39.
4. Dmitrieva A.A. Osnovnye filosofskie argumenty protiv pertseptivnoi modeli introspektsii // Diskussiya. 2014. № 2. S. 21–25.
5. Rail G. Ponyatie soznaniya / per. s angl. M., 1999.
6. Chalmers D. Soznayushchim um: v poiskakh fundamental'noi teorii / per. s angl. V.V. Vasil'eva. M., 2013.
7. Butler J. Rethinking Introspection: A Pluralist Approach to the First-Person Perspective. Palgrave Macmillan, 2013.
8. Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991.
9. Dretske F. How Do You Know You Are Not A Zombie? / Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge, edited by Gertler B., Burlington, 2003.
10. Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012.
11. Lyons W. The Disappearance of Introspection. A Bradford Book, 1986.
12. Metzinger T. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. A Bradford Book, 2004.
13. Metzinger T. The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self. N.Y., 2009.
14. Nagel T. What Is Like To Be A Bat? // The Philosophical Review. 1974. Volume 83. № 4. Pp. 435–450.
15. Prinz J. The Conscious Brain: How Attention Engenders Experience. Oxford University Press, USA, 2012.
16. Prinz J. The Fractionation of Introspection // Journal of Consciousness Studies. 2004. Volume 11. № 7–8. Pp. 40–57.
17. Schwitzgebel E. Introspection, What? // Introspection and consciousness / Ed. by D. Smithies, D. Stoljar. N.Y., 2012.
18. Schwitzgebel E. Introspection: Stanford Encyclopedia of Philosophy. (<http://plato.stanford.edu/entries/introspection/>).
19. Schwitzgebel E. Perplexities of consciousness. A Bradford Book, 2011.